

Ветвичуи

свиток четвертый

Тихон Владимирович Тверез

12+

Тихон Тверез

Ветви Чуи

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тверез Т. В.

Ветви Чуи / Т. В. Тверез — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Тридцатилетие Скопы Сознаний отмечается во всем обжитом человеком и фогги пространстве. На маленьком корабле дальней разведки экипажу придется взять на себя смелость решать проблемы целой планеты, спасая ее от уничтожения. И помочь далекой Земле в ее противостоянии со своими сепаратистами, жаждущими власти над всей Скопой, и расой «странных», воинов-повелителей, считающих себя хозяевами всех существ, попадающих в поле их зрения. Старым и новым героям приходится решать сложные задачи геополитического, космического значения и разбираться в простых, но не менее важных человеческих устремлениях.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пролог

Совместное тепло двух заходящих на покой звезд-солнц ласково грело старые кости, и старейшина повернул к ним морщинистую морду с вертлявым и любопытным с молодости трехпазуховым носом. Старое веко чуть прикрыло большой выпуклый глаз, внутри мелькнула веселая искорка. Здесь, наверху горной цепи, с высокого обрывистого склона был виден медленно двигавшийся над колыхающимся полем кустов каменный город. Тяжелые, массивные многоэтажки из зеленоватого камня, частью просто висащие в воздухе, окружали небольшую площадь, полную празднично одетого народа. Было понятно, что там царит веселье, чвабуры пели, танцевали, слушали сказителей и напевников, в стороне – со скалы было далеко видно сквозь прозрачный розовый воздух – готовилось угощение на установленных спирально огромных помостах. На маленьких площадках и кривых улочках, среди каменных жилищ по всему овалному городу происходило похожее.

Звезда-солнце коснулось горизонта там, где он был чист от темнеющих скал, и старейшине показалось, что он услышал крики восторга. Вверх полетели фейерверки-шутихи, взрываясь, поверху озаряли город и подступающую к нему ультрамариновую стену дождя. Старейшина не чувствовал ветра, но знал, что добрый и могучий союзник обведет тучу стороной и городу даже не придется отплывать от свежих живых потоков.

Внезапно старику послышался смех. Он недоуменно посмотрел на далекий город, перевел взгляд на другой, чуть видимый на горизонте, но что-то сообразив, вскочил. Смех звучал с другой стороны скальной площадки, куда старейшина еще не заглядывал. Подходя к краю пропасти, ему пришлось восторженно передохнуть и утереть выступивший пот. Чуть внизу, идя издалека, из долины, в серо-розовом воздухе рядом со скалой изгибалась вьющаяся река. Другая, поменьше, то ли исток, то ли приток большой, вилась спиралью вокруг и уходила вниз в камни скал. Течение было быстрым, на нереальных изгибах брызги веером разлетались в пространстве и падали вниз на покрытые мхом скалы.

Там, на небольшой площадке, веселилась группа младеней. Чвабуры разбегались и ныряли в висащую реку, проплывали ее толщу и выныривали с другой стороны. Потом, барахтаясь в воздухе, попадали в реку поменьше и сильными гребками всплывали вдоль изгибов к площадке. Там, встреченные смехом, снова разбегались, и веселье продолжалось. Совсем маленькие, подражая старшим, барахтались чуть в стороне, где река почти касалась покрытой мягким мхом площадки.

Старик долго смотрел на резвящихся младеней. Когда второе солнце коснулось горизонта и наступили сумерки, закрыл глаза и, откинувшись на спину, лег в траву. Через мгновение мир вокруг изменился – старейшина сидел на берегу вязкого, зеленоватого ручья, вокруг была темнота, время сумерек заканчивалось. А вокруг бушевал ветер, гнул редкие чахлые кустарники, мял вязкий и тягучий ручей, и рвал, и уносил прочь траву с небольших островков зелени. Серый песок с покрывавших все пространство до горизонта проплешин летал в воздухе, бросаясь с порывами ветра во все стороны.

Старейшина накинул капюшон и прижал к себе маленького зверька с хитрой мордочкой и рядом умных чернявых глазенок на макушке, благодаря того за прекрасные образы. Нотик понимающе потряс ушками, спрыгнул на береговую гальку и скрылся в колыхающихся под ветром кустах. Старейшина, вздохнув, поднялся – нужно было идти к стойбищу, скоро ураган, нужно проверить, сыты ли кечиги и нашли ли себе надежное убежище. Этот ураган будет долгим.

Глава 1

Теплый ветер, гонявший туда-сюда по долине поднимающееся от болотных островков слою розового тяжелого и мокрого тумана рвал их, чуть поднявшись вверх, сминал и развеивал в зеленоватом воздухе, но тут же снова собирал в странные образования, похожие на резко застывшие, замерзшие испарения над свежим стогом сена в холодное утро после небывало теплой ночи. Утра, впрочем, здесь не бывало никогда, как, собственно, и ночи, и плотные стаи маленьких пичужек привычно вились в лучах трех далеких солнц-звезд, неуловимыми движениями уходя от тоже неуловимых движений, бросаемых на них ветром розово-ледяных туманных образований. Маленькая стая пичужек, чуть не столкнувшись с другой, побольше, замерла и тут же начала рассыпаться, окутанная туманом. За несколько мгновений от стаи не осталось ничего, кроме спасшихся нескольких особей, сразу присоединившихся к другой стае, а к упавшим тушкам уже двигался болотный островок, чуть подхлупывая трясинной, медленно, но неотвратно захватывая буро-красные проплешины в невысокой желтой и жухлой траве. Туда же, судя по испарениям, начали двигаться и другие островки, а странный ветер, прекратив порывы, начал дуть в одну сторону – как раз на спрятавшихся в невысокой зернистой траве охотников.

Почти невидимый в траве Топиг чуть прищурил принявший цвет зелени большой матово-мутный глаз, и на острой мордочке появилось задумчивое выражение. Ветер – это очень важно. На этих болотах он сам по себе никогда не меняет направление, а уж тем более температуру или запах – Топиг повел длинной мордочкой, увенчанной кнопкой трехпазухового носа. Повернув назад прижатые сложенные большие чебурашки уши, природное средство связи, подал неуловимый сигнал опасности назад двум спрятавшимся товарищам-охотникам – и сразу все трое замерли, став еще более незаметными. В сторону троицы ветер дул недолго, потом – Сила Духа! – снова появились хаотичные порывы во всех направлениях, и снова началась охота розово-ледяного тумана за стаями пичужек. Топиг подал сигнал своим отходить и пополз спиной назад, активно помогая себе третьей нижней извивающейся конечностью – толстым и массивным хвостом. Отступив назад таким способом сотню драх, принял в окружавших болото кустах нормальное положение, встав на короткие ноги и, опираясь на более длинный упругий хвост, двинулся к своим. На проплешине между низкими хищными кустами, осыпанными опасными листиками-спиральками, его уже ждали только что пришедшие двое друзей, такие же, как и он, молодые чвабуры, которых Топиг уговорил сходить на это болото – вопреки запрету племени.

– Топ, я говорил, мы не пройдем, – чвабур с короткой серо-желтой шерсткой, чуть постарше остальных, сощурил огромный, с небольшое яблоко, голубого оттенка глаз. Всегда улыбчивая мордочка приобрела чуть насмешливое выражение. – Ты никогда не слушаешь, а между тем старики говорят...

– Старики говорят вообще не подходить к этим болотам, и мы все знаем, почему, – Топиг присел на спружинивший хвост. – Но это единственный путь к светящимся кустам. Я только отсюда их видел близко. Больше нигде не пройти.

– А если обойти болота? У нас еще два ветра до урагана, потом в племени забеспокоятся, – другой чвабур Томик, по виду самый младший, тоже присел, положив рядом свернутою броску, – длинную веревку с петлей на конце. – Нужно успеть домой до урагана – иначе мне попадет от родоча.

– Ну, вот видишь – у нас нет времени обходить болота. И туда без разведки лучше не соваться.

– Верно, – Румик, третий чамбур, озабоченно прижал уши и широко открыл глаз, выражая этим крайнее беспокойство. – Мы туда с моим родочем ходили, помните, когда у нас кечиг

потерялся. Так вот, там туманы прямо к скалам подходят, а дальше уже лес начинается. Темный, нехороший, там завывает что-то, аж уши сами к голове жмутся и мурашки по хвосту. Мы тогда кечига не нашли, родоч сказал, что, наверно, в лес забрел, и мы домой вернулись. Опасно там.

– То все знают, что там опасно. Мы туда и не пойдем, светящиеся кусты и тут есть, на этой стороне долины. Просто их почти не видно, но мне удалось разглядеть, – Топ горделиво напряг уши в знак превосходства и раздул носовые пазухи. – Я тогда тут три ветра один просидел, и только когда болота от урагана попрятались, кусты увидел. Они недалеко, только подойти к ним сложно.

– А ты знаешь, что старики говорят? – Томик посмотрел на друга. – Что светящиеся кусты и даже просто ветки большое несчастье приносят. А большего несчастья, чем трууги, я не видел.

– Том, расскажи, как ты их видел. – Тот помотал головой, почти закрыв глаз в знак протеста. – Расскажи, мы же друзья. У нас даже не все родочи труугов видели. – Томик сидел на хвосте, явно борясь с желанием рассказать. – Все равно нам ждать, пока болота не расползутся.

– Ладно. Только не перебивайте, мне еще припомнить надо – это ведь давно было, я еще совсем небольшой был.

Друзья уселись в кружок, и Томик прикрыл глаз, вспоминая события детства.

Тогда, больше двухсот ураганов назад, Томик жил в другом племени, почти таком же большом, как и сейчас, но в другой долине, далеко отсюда. Долина, почти такая же, как и эта, – с похухлыми проплешинами редкой травы, уходила далеко в сторону экваториального пояса, с высокими – до неба пиками гор, откуда начинался и уходил вдаль темный непролазный лес. Отделенная от множества других, таких же, невысокими грядами скал с сидящим на них шапками липкого мха, долина имела одну особенность – там было озеро. Простое, возможно, неглубокое и чуть вытянутое розовое озеро, и, наверно, ту воду даже можно было пить, но с самых древних времен жившие в тех местах чвабуры это не проверяли – даже просто подойти к озеру, полностью всегда окутанному живым туманом, было опасно. Но однажды случился ураган, силу которого даже невозможно было представить, – и весь туман над озером исчез. Тогда-то чвабуры, увидев, что находится в центре озера, и вспомнили древнюю легенду о светящихся кустах. Легенда говорила о том, что однажды смелый чвабур прорвался сквозь туманы к светящимся кустам и оторвал ветку. Из ветки чвабур сделал амулет – и с тех пор мог летать, по желанию становясь легким, как облака пушинок липкого мха, и даже летал на небо. Тот чвабур получил огромную силу – мог сражаться в небе над самыми высокими скалами с ужасными птицами-маронами, одним когтем пробивающими простого чвабура насквозь, и побеждал их. Но однажды он нарушил какой-то закон существования – и привлек страшных существ-труугов, уничтоживших его.

Топ и Рум слушали рассказ друга не прерывая, хоть и сто раз слышали эту легенду, и только почесывали передними лапками с цепкими и сильными пальцами носы, демонстрируя внимание и уважение к рассказчику.

Чвабуры из племени Томика вспомнили легенду сразу, как только увидели, что представляет из себя островок посреди озера, покрытый святающимися розовыми кустами и окруженный сияющим ореолом над ними. После недолгих обсуждений трое смельчаков отправились к островку на собранном для этого травяном плоту – и благополучно добрались туда. Обратный путь оказался еще быстрее и проще. Как только смельчаки отломали по веточке от светящихся кустов, так сразу взмыли вверх над озером и, немного побарахтавшись, но – Сила Духа! – не выронив веточки, благополучно спустились вниз, под восторженные крики, прямо в центр стойбища племени, расположенного недалеко, выше по долине. Больше отправляться за волшебными веточками смельчаков не нашлось – розовый туман вновь окутал озеро, и путь

оказался закрыт. Томик помнил опытные полеты с этими веточками: с силой амулета даже самым слабым охотникам в племени легко удавалось догнать добычу – и племя больше не испытывало голода во время долгих ураганов, добычи охотников всегда хватало. Но однажды и это закончилось.

Перед очередной охотой один чвабур решил подняться высоко в небо – посмотреть стада диких кечигов. Поднялся он высоко – чуткие уши соплеменников слышали его восторженные крики, но, судя по всему, останавливаться не собирался. Взлетел он так высоко, что даже глазам охотников его не стало видно, а потом в той части неба мелькнула вспышка. Все в племени – и охотники, и родочи, и младени, и самки с неразумными детенышами подняли головы, привлеченные криком одного старика, указывающего скрюченной лапкой вверх. И сразу на стойбище посыпались, точнее, просто вонзались в землю короткие блестящие стрелы. Почти невидимая стрела вонзалась в утопанную землю – и сразу на месте падения образовывался круг пустого провала, куда падали чвабуры, упряжные кечиги и домашняя птица, жилища и любые строения. Самое ужасное, что запомнил Томик, привязанный на спину самки, еще маленький, но уже обладающий памятью, что в момент, когда стрелы касались земли, в образовавшемся провале все исчезало навсегда – и части их стойбища, и сами чвабуры. А потом самка повернулась к очередному провалу – и привязанный к спине Томик увидел невысоко в небе трууга. Трууг, желто-блестящий, острый с носа, дальше к заду уходил тремя ровными четкими линиями, и именно оттуда на стойбище сыпались страшные стрелы, рождаясь в изломах переплетенных световых линий. Томик помнил, что тогда кто-то, возможно, родоч, схватил самку и поволок ее вместе с детенышем в сторону. Замелькали кусты, жухлая трава, и маленький чвабур потерял сознание. Больше о том событии он ничего не помнил.

– Из всего племени только восемь чвабуров спаслось – два родоча, младень и четыре самки. У одной на спине я и был привязан. Мне повезло, что в тот день меня носила именно та самка, она в стороне оказалась от трууга, и в нее стрелы не попали.

– А амулеты те куда делись? Хотя ты не можешь помнить, – Топиг смотрел заинтересованно.

– Да там все наше стойбище исчезло в этих провалах – какие уж тут амулеты. Но я говорю, – Томик поднял вверх длинный средний палец в подтверждении важности своих слов, – нельзя использовать ветви святящихся кустов необдуманно.

– Старики говорят, что вообще нельзя к ним приближаться. А я думаю, что можно, – просто не нужно летать высоко с этим амулетом. И не летать же мы собираемся – просто скоро нас принимают в охотники племени, и мы можем стать сильнее.

– Или сделать сильными всех охотников – и стариков, и родичей, – Румик смотрел серьезно и строго. Даже глаз принял серо-стальной оттенок. – Если мы принесем ветви нашему племени – это будет доброе дело для всех. Нас тогда оценят и поблагодарят.

– Ну, старики не поблагодарят, скорее, велят родочам наказать. Лучше ветви к племени не носить. Но мой родоч говорит, что когда-то у племен были ветви священного дерева – и все были сильны и могущественны.

– Значит, главное – не использовать ветви необдуманно, – например, не летать высоко. И сначала ветви нужно добыть – а потом решим, нести ли их в племя. По-моему, ветер начинается, – Топиг поднял нос, повернув его против появившегося ветерка.

– Нужно идти всем вместе, – мордочка Рума выражала как всегда серьезность и важность совершаемого. – Ты, Топ, иди первый, если хочешь, – ты лучше всех прячешься и Силу Ветра слышишь. Но мы сразу за тобой на три стороны пойдём.

– Согласен, – Томик расширил зрачок и затемнил верхнее веко в знак готовности подчиняться. – Веди нас, Топ. Только мы обязательно сразу за тобой пойдём. А если что, все вместе и убежим.

– Ладно, пошли, – Топиг свернул свою броску, удобнее перестегнул плетеную конструкцию на себе – нечто среднее между перевязью, поясом и шлейкой и проверил висящее на ней снаряжение. Остальные сделали то же. Румик перевесил вперед под лапки колчан с дротиками. Ручку-металку, с помощью которой можно было бросить точно и далеко не только дротик, но и быстро изготовленное копье, забросил за спину. Три друга разошлись на небольшое расстояние и, выстроившись треугольником, пошли вперед. Через триста драх уже пришлось лечь и ползти между небольших неживых кочек – болотца и, главное, розовый туман над ними были близко, ветер гонял его туда-сюда все интенсивнее. Стаи пичужек уже убрались, и ветер просто перемещал розово-ледяной туман по всей низменной части долины – и, уже пусть и медленно движущееся, болотца постепенно стали окружать крадущихся чвабуров.

Неожиданно впереди мелькнуло короткое движение, и Топиг замер, почти слившись с невысокой травой. Сложенные назад уши-локаторы чуть повернулись, посылая назад сигнал «Внимание, замри», а лапки сами потянулись к узкому, но тяжелому каменному ножу на поясе, хоть Топиг и знал, что ни одно животное сюда не заберется из опасения розовых туманов. Троица замерла, Топиг всматривался в невысокие зернистые кустики, и вдруг единственный глаз начал удивленно раскрываться – из ветвившихся кустиков на него смотрел другой глаз – испуганно, как-то затравленно и, как показалось, чуть удивленно. Топиг медленно повернул правое сканирующее ухо – и сразу пришел образ нотика – маленького животного, испуганного, непонятно, как сюда забравшегося. Нотик был единственным неопасным животным в долинах и также единственным, на кого чвабуры никогда не охотились, как, впрочем, и не пытались завести нотиков в качестве домашних животных. Это было бессмысленно. Считалось, что нотики обладают зачатками разума, как не развившиеся с возрастом дети чвабуров, и они никогда не жили рядом с чвабурами, по сути являясь одиночками. Предания племен рассказывали, что нотик не живет в неволе – или умирает, или уходит, и старики запрещали даже пугать их, а при встрече советовали уступать дорогу. Сейчас нотик испуганно смотрел на Топига, но было понятно, что боится он не его – зверек просто не мог выбраться из окружавших его болот.

Топик послал ментальный сигнал нотике, применив все возможности передачи, старики говорили, что некоторые нотики все понимают, и попытался успокоить животное. В голове постепенно менялся цвет образа животного – нотик, видя чвабуров, успокаивался и уже не так опасался неизвестности. Топик решил проползти немного в сторону, понимая, что животное не стронется с места, пока ему не освободят единственный путь из болот, когда от Рума пришел сигнал опасности, – и сразу почувствовалось духовение ветра. Все замерли, но ветер, чуть меняя направление, продолжал дуть в их сторону, и вскоре раздалось характерное потрескивание – розовый туман приближался. Топик уже хотел подать сигнал к бегству – шансы убежать от розового тумана были, если не придется обогать движущиеся болотца и их не захватят в кольцо, когда неожиданно понял, почему туман приближается. Их не заметили, маскировка чвабуров превосходная, а вот нотик такой маскировкой не обладает, и вообще чудо, что ему удалось до сих пор выжить. Мысль лихорадочно заработала, не находя непривычного и неочевидного решения, когда руки сами сделали, что нужно. Топиг открыл поясную сумку и позвал нотика, посылая тому сигнал прятаться. Уговаривать того не пришлось – маленькое мохнатое тело скользнуло в траве и нырнуло в поясную сумку, повозилось там и замерло. Топик свернулся калачиком, закрывая животное собой и слился с местностью, становясь невидимым для зрения почти всех живых существ в долинах.

Потрескивание приближалось, и Топиг боролся с желанием подать сигнал к бегству – судя по всему туман подходил со стороны, где залег Румик, и Топиг боялся за него. Беспокойство за друга стало почти невыносимым, и он уже решил подать сигнал, когда почувствовал, что его успокаивают. Прислушавшись к ощущениям, Топиг понял, что успокаивает его именно нотик, чьи сигналы чвабур ментально и воспринимал, – и чувствовалось, что нотик уверен в

безопасности. Действительно, вскоре потрескивание стало стихать – розовый туман уходил, и потом совсем прекратилось.

И слева, и справа пришли сигналы, что все в порядке, но к сигналам примешивались недоумение и невысказанные вопросы. Топиг, чуть повернув уши, как мог нарисовал образ нотика, спрятавшегося в сумке, – и к нему пришли испытанные друзьями чувства удивления и восхищения. Топиг ухмыльнулся, чуть прикрыв глаз, и, сам удивляясь произошедшему, подал сигнал к движению.

Следующие сотни драх тройца ползла без приключений – как раньше замечал Топиг, на этот участок болотца почти не заползали. Наконец, повеяло знакомой сыростью и, всмотревшись, чвабур увидел сквозь зернистые стебельки неясное свечение – они были почти у цели. И сразу почувствовал, что нотик прекрасно понимает, где они находятся, – из поясной сумки пришел предупреждающий сигнал опасности и недоумения. Нотик, видимо понимал, что он не может покинуть сумку, не будучи обнаруженным, но не понимал цели путешествия. Топиг, как смог, успокоил животное и подал сигнал своим оставаться на месте. Но дальше проползти удалось не более пятидесяти драх.

Снова раздалось потрескивание, как будто болотце впереди и розовый туман над ним затаились, и сразу начался ветер – теперь порывами уже со всех сторон. Когда потрескивания начались уже сзади, Топиг послал друзьям сигнал отходить – ответа не было. Чвабур начал волноваться, когда от нотика пришел образ: треугольник друзей в низине долины и приближающееся к ним образы тумана. Осознав ментальную картинку, Топиг чуть не вскочил бежать в страхе – он оказался отрезан от друзей, единственный свободный путь был только впереди, но Румик и Томик еще могли успеть выбраться из западни. И снова Топиг только успел удивиться своему решению, когда понял, что уже действует.

Он вскочил, уже не скрываясь, – розово-ледяные туманные образования над болотцами сразу определились с направлением, и ветер задул сильнее, подгоняя. Топиг повернулся к друзьям, он уже просто кричал, не тратя время на создание ментальных образов.

– Быстро назад! Рум, Том, бегом назад! – крик как будто подстегнул туман – и кольцо начало смыкаться быстрее. – Я бегу вперед, там есть чистый путь. – Друзья приподнялись, но не решились последовать совету. – Бегите назад! Прямо! Быстро, а то сожрут! Я выберусь.

Томик первый последовал приказу – развернулся и бросился бежать, уходя от перекрывающего путь тумана. Чвабуры могли бегать быстро – при каждом прыжке выгнутый хвост не только балансировал тело, но и давал дополнительный толчок от поверхности, попеременно то одной, то другой задней конечности. Томик почти сразу скрылся за туманом, а Румик замешкался. Дернувшись туда-сюда, видимо, пытаясь прорваться к заблокированному Топигу, Рум размахнулся – и у ног Топига плюхнулся колчан с дротиками и ручкой-металкой. После Рум издал короткий крик и, совершив почти нереальный прыжок, перескочил клубы тумана, начавшего понизу захватывать небольшое свободное пространство. Миг – и второй друг исчез за надвигающейся розовой стеной. Под оглушительное потрескивание, чуть покачиваясь от порывов ветра, дующего во всех направлениях, Топиг схватил колчан, забросил за спину, притянув ремень, и бросился вперед к светящимся кустам. Так быстро ему бегать еще не приходилось – не просто бежать, а перескакивать через странные маленькие, но не двигавшиеся болотца. Хорошо, хоть тумана впереди не было, и Топиг видел ореол сине-розового света над небольшим островком светящегося кустарника впереди. До него оставалось не более двадцати драх, когда Топиг задел хвостом поздно увиденное болотце. Его дернуло, на миг показалось, что хвост просто оторван от тела, и последнее, что зафиксировало сознание, кроме нарастающего треска в ушах, беспомощный полет кубарем и потом мягкое и нежное касание того самого светящегося куста, куда он так стремился.

* * *

Событие было поистине грандиозным не только для планеты Земля, но и для всего обжитого человеком к этому времени пространства. И не только человеком – уже четверть века как к Скопе Сознаний, структуре, объединяющей все сообщества и индивидуумов планеты Земля, созданной после объединения анклавов и образования Главного Совета, присоединилась раса фогги, разумных туманных энергосущностей, чья планета-дом висела в пространстве между Землей и ее вечным спутником. Тридцатилетие образования Скопы отмечалось в эти дни везде – и на Луне, где старый Лунный городок превратился в мегаполис, окруженный сетью жилых и научных кампусов и предприятий, разбросанных по всей планете. И на Марсе, где за полвека колонизации выросла сеть городков-поселений со своей столицей – огромным геоорбитальным комплексом Марс-сити – детищем когда-то упраздненного Союза Корпораций, но отстаивавшего свои позиции в плане финансов и торговли. И сейчас на безвоздушной планете новая структура – Корпомарс, объединение ведущих корпораций, занималась всем – от добычи ресурсов и промышленной переработки до реализации военных заказов, для чего существовали орбитальные верфи и многочисленные геокомплексы заводов и фабрик. Добывали кислород и воду, полезные газы и ископаемые, отправлялись экспедиции вплоть до пояса астероидов, а исследовательские еще дальше, развитая инфраструктура позволяла осуществить многие поставленные цели – и на планете уже жило, училось и работало более миллиона человек.

Но люди были не только в околоземном пространстве, куда входила вся территория орбит от Малого астероидного пояса до гелиостанций на орбите Меркурия. Активно обживался Юпитер, точнее его спутники, а недавно запущенный структурами Корпомарса проект «Астросат» позволял в будущем изучать, вести геологоразведку, а потом и промышленную добычу полезных минералов и газов колец Сатурна.

Грандиозное празднование тридцатилетия образования Скопы, радость, восторг и удовлетворение от проделанной работы ощущались не только в обжитом человеком пространстве. Фогги, разведчики-исследователи и охотники за энергией, могли добираться до многих уголков Млечного пути, а связанные Единым инфополем Вселенной ливитные образования, в просторечии Центры Связи, в известном количестве 16-ти штук, были разбросаны по всей галактике и даже немного за ее пределами – и радость, и ликование объединения и от проделанной совместной работы были и там. И даже на нескольких исследовательских человеческих кораблях дальней разведки с немногочисленными добровольцами, отправившимися исследовать пространство более пяти лет назад. Три таких корабля серии «Лист М7» были отправлены силами Скопы, соответственно пять, четыре и три года назад в разные рукава Млечного пути. Горизонт событий, точка невозврата для кораблей была определена в четыре, семь и семь с половиной тысяч световых лет от Солнечной системы – большего не позволял ресурс корабля и человеческого организма. ПЛ-ресурс, используя законы пространства-времени, давал многое – от двигателей и комплексной защиты до современных биорегенов, но человеческий биоресурс имел ограничения, и люди могли путешествовать пока не более десяти лет без естественной человеку среды обитания.

Двигавшийся в дрейфе на гравитационной тяге кораблик серии «Лист», отправленный четыре года назад в пространство рукава Персея, был самым маленьким из трех – при экипаже из двух человек, одного фогги и, естественно, Ливита. Сейчас кораблик находился сравнительно недалеко от домашней системы – в трех с половиной тысячах световых лет, на окраинах рукава Персея, проделав почти половину возможного пути. «Лист» двигался не только в ПЛ-поле, но используя гравитационные двигатели, имел возможность изучать звездные системы и планеты, чем и занимался, обследуя уже восьмую звездную систему.

В маленькой рубке корабля царил полутьма, тусклыми огоньками горели только многочисленные табло и рабочие элементы управления, да вогнутый прозрачный многослойный экран перед двумя креслами показывал чуть мерцающую пустоту космоса с маленькой, но

яркой тройной звездной системой в центре. До нее было еще далеко, и бортовой квантоум, а в основном Ливит, занимались анализом внешней среды, рассчитывая пути безопасного подхода. Человек в кресле – уже пожилой, с длинными усами и русой бородой, одетый в штатный комбез дальней разведки, – безмятежно спал, чуть приоткрыв рот, с какой-то детской улыбкой на лице. Мембрана шлюза в рубку неслышно разошлась в стороны, и в помещение проник еще один член экипажа – маленькая коротко стриженная женщина уже в возрасте, но подвижная и быстрая. Бросив взгляды на сигналы панели управления и короткий на экран, легко запрыгнула в свое кресло и посмотрела на спящего. На лице появилась шаловливая улыбка, женщина помахала рукой, привлекая внимание Ливита и приложила палец к губам. Пристегнулась фиксирующим полем, визуальное проверила работу систем и отключила ряд маячков на панели управления. Положив руки на джойстики управления кораблем, еще раз искоса посмотрев на спящего, улыбнулась еще шире и резко дернула джойстики. Картинку на экране повело, рубка компенсировала маневр маленького корабля в пространстве, но спящего толкнуло в кресло. Тот дернулся, проснувшись, руки сразу привычно бросились к джойстикам, а глаза считывали информацию с панели управления. Но уже через короткие доли секунды на лице Иана заиграла улыбка, и он повернулся к спутнице.

– Лиз, ты снова со своими шутками? – строгий голос не вязался с добрыми глазами и радостью на лице. – Я ж только уснул.

– Не только, – Лиз тоже улыбалась. – Ты уже два часа спишь.

– Ну-ну. Как будто бы ты проверяла.

– Ливит проверял. А я уже и поесть успела, и душ принять, и побегать даже. То есть сначала побегать, потом душ, а потом и поесть. Иди, ешь, я тебе там твой любимый соус приготовила. И, кстати, всех с праздником!

– Соус? Отлично! Тебе, жена, благодарность от всего экипажа. И тебя тоже с праздником.

– Иди давай, муж. Я приняла. А насчет благодарности от всего экипажа, так этим ее несложно и заслужить – тут на тысячи световых лет вокруг только два биосущества, и одно из них точно любит этот соус.

– Ладно, я пошел, – Иан отстегнулся, быть пристегнутым на вахте предписывалось правилами в таком режиме перемещения, тем более в незнакомом пространстве вблизи неизвестной звездной системы и, поцеловав жену, покинул рубку.

Лиз продолжала проверять работу бортовых систем, когда раздался веселый голос:

– Снова разыграла? Привет, Лиз.

– Ага. Привет, Ливит.

– Лиз, посмотри данные струномера за последние три часа.

– Смотрю. Изменения в пределах погрешности. Хотя..

– Вот-вот. Линия 647ЛВ7. Четыре раза за три часа.

– Это уже цикличность. Странно. Анализ?

– Десять минут до ожидаемых проявлений. Данные на экране. Надеюсь, капитан успеет поесть.

– Капитан? – Лиз улыбалась.

– Иан уже давно сравнивает нас с маленькой лодкой в безбрежном океане, – в голосе Ливита чувствовался смех. – Вот я и говорю – капитан.

– Да, плаваем мы уже давно. Ливит, ты тоже становишься сентиментальным.

– Немного. А вот и капитан.

Мембрана раздвинулась, и Иан, сделав пару шагов, почти прямо от порога запрыгнул в кресло. Что-то дожевывая, одной рукой включил фиксирующее поле, другой уже выводил данные на рабочую панель. Лиз смотрела, улыбаясь.

– Ну, как соус?

– Выше всяких похвал. Никогда не мог понять, из чего ты его готовишь.

– Ну, лучше тебе не знать, – Лиз смеялась, Иан тоже усмехнулся. – Но ведь вкусно?
– Особенно, когда он горячий. Так. Ливит, будем считать, что это объект. Сколько до него?

– Четыре с половиной часа. Есть предположение.

– Да, год назад мы такое уже встречали. А куда он движется?

– Вот к этой тройной системе и движется. Предполагаемая траектория на экране.

– Маскирован?

– Да. 7-9 ри. Но поле особое. Это «странные».

– Скорее всего. Такой шанс упускать нельзя, любая информация об этой расе очень важна.

– Но они не идут на контакт! – Лиз смотрела за действиями мужа. – Все попытки Скопы начать взаимодействие оканчивались ничем. Они предупредили, что даже приближаться к ним нельзя – они воспримут это как агрессию и отреагируют соответственно. Ни к кораблям, ни к их территории.

– Ну, здесь не их территория. Их домашние системы далеко отсюда. А что же могло им тут понадобиться?

– Ну, нам же что-то понадобилось. Может быть, тоже исследователи.

– Ага. Военные. Крохи информации о них говорят о том, что это раса воинов.

– Точнее, воинов-властителей. Помнишь первый контакт? Точнее не контакт, а как мы нашли обломки их кораблей. Это когда их инверс размолот.

– Вот сейчас и повспоминаем. Ливит, маскировка?

– 11-ть ри.

– Сколько нам до системы?

– Чуть меньше трех часов при такой маскировке.

– Начинай движение. Точку я рассчитал. Проверь, если все правильно, идем вон к той звезде. Там ныряем глубже – до 12-ти ри.

– Иан, ты уверен? – Лиз работала с панелью, следя за данными на табло, но глаза выражали беспокойство.

– Уверен. Тут происходит что-то необычное, нужно понять что.

– Согласна.

За последующие три часа, пока подходили к системе, несколько раз меняя гравитационную тягу, Лиз вспоминала, что известно о расе «странных» – название появилось само собой около четверти века назад, когда впервые произошло то, что с натяжкой можно бы было назвать контактом.

Это сейчас некоторые смеялись, что тогда чуть не началась первая галактическая война, но в то время всем было не до шуток. О присутствии этой расы знали и знали о ней как о высокоразвитой расе, тем не менее, вызвавшей реакцию инверса. Тогда, тридцать лет назад, экспедиции Иана не удалось исследовать обломки найденных кораблей, но присутствие чужой расы проявилось вскоре вновь, всего через пять лет. У колец Сатурна был уничтожен гравибуу и почти сразу беспилотный дальний транспортник, везущий материалы и оборудование для исследовательской станции на местном спутнике. «Странные» и не скрывались – несколько их треугольных, желто-блестящих кораблей просто висели чуть выше основных колец планеты. Невдалеке прошел еще один гравибуу – «странные» никак не отреагировали, чего-то ожидая. И как оказалось, действительно ожидали реакции людей, просто заявив о себе таким способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.